

**КАПИТАЛИЗМ, СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО
И ИДЕНТИЧНОСТЬ:
ПУТИ ФОРМИРОВАНИЯ КОЛЛЕКТИВНОГО «МЫ»¹**

Н. Н. Федотова

*Московский государственный институт международных отношений
Министерства иностранных дел России*

Поступила в редакцию 18 декабря 2015 г.

Аннотация: в статье рассмотрены отношения капитализма, государства и идентичности как черт общества модерна. Показано, что национальное государство эволюционировало во многих частях мира в социальное государство. Рассматривается полемика относительно связи национального государства и социальной политики в дореволюционной России XIX – начала XX в. Длительность процессов перехода к модерну и значительность социальных изменений обусловили смену идентичности большинства национальных государств, развивающихся по капиталистическому пути. Вместе с тем продолжают сохраняться ее базовые черты, отличающие немца от француза, русского от англичанина, Россию от Китая, США от Японии и пр. Автор применил предложенную им ранее процессуальную теорию идентичности, в которой выделяются как континуум смены идентичностей, так и его ограниченность. Идентичность рассматривается как коллективное «мы», которое проходит ряд этапов своего развития.

Ключевые слова: национальное государство, социальное государство, Россия, дореволюционная социальная политика, капитализм, идентичность.

Abstract: the author considers the relationship between the following features of modern society – capitalism, nation-state and identity. It is argued that in many parts of the world the nation-state evolved into the welfare state. The author reveals the debate over the relationship between nation-state and social policy in prerevolutionary Russia of XIX – early XX century. A long process of transition to modernity together with significant social transformations have brought about changes in identity of the most nation-states pursuing capitalism. Identity is considered as a collective «we-feeling» passing a number of stages in its development.

Key words: nation-state, welfare state, Russian pre-revolutionary social policy, capitalism, identity.

Национальное государство: формирование коллективного «мы»

Капитализм, национальное государство и меняющаяся идентичность являются продуктами модерна. Возникновение национального государства связано с развитием капиталистической модернизации и вызываемой модернизационными изменениями трансформацией идентичности

---

¹ Статья подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта «Социально-философский анализ современного российского капитализма» № 15–03–00580.

традиционных обществ. Его формирование обусловлено Вестфальским договором 1648 г., согласно которому окончание Тридцатилетней войны привело к установлению нового мирового порядка, конструируемого как множество суверенных территорий. Эти образования, обладавшие территориями и собственным управлением, получили название национальных государств. Над ними не было более высокой власти, чем власть собственного правительства. Вестфальский мир установил принципы территориальности и суверенитета, универсализировал в качестве субъекта действия национальное государство как внутри его собственной территории, так и за ее пределами. Понятие национального государства подразумевало использование терминов «государство» и «нация» как синонимов, ибо национальное государство – это государство, создающее нацию из всего многообразия имеющихся в нем этносов и групп в границах его территории. Национацией стало называться политическое сообщество людей, живущих на своей собственной территории. Представители нации осознавали свое единство, одновременно с отличиями от других наций, на основе общности территории, культуры, языка, традиции (в том числе изобретенной). Принципом национального государства было: чья власть, того и вера (*сujus region, ejus religio*). В результате национальное государство формировало и обеспечивало общую национальную идентичность его граждан, выражавшуюся в самом большом чувстве «мы» населяющих его людей. Развитие национального государства уменьшало различия внутри каждого из государств при увеличении различий между отдельными государствами. Как отмечает Э. Тирикьян, «в “долгом” девятнадцатом веке, совпадающем с подъемом национального государства, индустриализацией, публичным образованием и другими хорошо известными чертами модернизации, главный внутренний вызов для государства заключался в необходимости вовлечения городского рабочего класса (который одно время ассоциировался с “опасным классом”) в институциональное устройство социального порядка эпохи модерна» [1, р. 21].

Национальное государство прошло долгий путь формирования, но наибольшее воплощение получило в конце XIX – начале XX в. Оно, по мнению известного австралийского социолога М. Уотерса, прошло в своем развитии две исторические фазы. *Первую* – либеральную – в XIX в. Государство играло внешнюю и внутреннюю роли. Внешняя сводилась к защите собственного суверенитета от других государств, к дипломатии, торговле и ввозе рабочей силы. Внутренняя была связана с созданием правовой системы, защищающей частную собственность и поддерживающей порядок в рабочей среде. *Вторую* фазу, которую Уотерс назвал «корпоративной» (более адекватную XX в.), отличают две мировые войны, великая депрессия, фашизм и коммунизм. Либеральные государства не смогли препятствовать этим изменениям, так как в новых условиях они не были в состоянии мобилизовать различающиеся друг от друга группы для решения национальных проблем. Поэтому государство было реорганизовано так, чтобы не только обеспечивать безопасность, но и способствовать экономическому благосостоянию. Его главной стратеги-

ей стало поддержание инвестиций и промышленного развития в целях достижения высокой экономической активности. По форме оно стало корпоративным, его основной особенностью было возвращение массовой поддержки. Теперь у государства появились две новые главные обязанности – вмешиваться в экономику (центральное планирование, экономический и налоговый менеджмент) и усилить возникшее в XIX в. посредничество между различными социальными группами, особенно между нанимателями и наемными работниками [2, р. 85–89].

До эпохи модерна XIX в. не было проблемы идентичности, вопрос об идентичности не присущ изначально человеческому опыту и не возникает из этого опыта как самоочевидный факт жизни. Известный британский социолог З. Бауман описывает сложности при проведении переписи населения в многонациональной Польше перед началом Второй мировой войны. На вопрос «кто вы?» люди отвечали «мы из этих мест», «мы отсюда», «мы местные», и ни разу не указали свою национально-государственную принадлежность. Более того, они вообще были изумлены тем, что у них может быть некая национальная идентичность, и тем, что можно задать вопрос о том, какова она [3, р. 18]. Это были сельские граждане, которые не перешли к идентичности модерна и оставались в большой степени жителями традиционного общества. Вопрос об идентичности появляется при быстрых социальных трансформациях, ведущих к резким изменениям образа жизни людей.

По мнению З. Баумана, «способность к эффективному установлению порядка была бы невысказана без способности эффективно защищать территорию государства от угрозы со стороны иных моделей порядка, как внешней, так и внутренней; способности «сводить баланс» в народном хозяйстве и способности к мобилизации культурных ресурсов, достаточных для поддержания идентичности и своеобразия государства через своеобразную *идентичность* его подданных» (курсив наш. – Н. Ф.) [4, с. 91]. И это происходило по мере становления национальных государств, в западных странах гораздо ранее, чем в Польше.

Социальное государство как этап эволюции национального: новый этап формирования коллективного «мы»

Формирование социального государства было результатом эволюции функций национального государства. Если национальное государство обеспечивало общую идентичность – коллективное «мы» обществ-государств по отношению к другим государствам, то внутри каждого государства эта общая идентичность раскалывалась пополам расслоением на богатых и бедных, которые при капитализме четко разделялись на предпринимателей и нанятых рабочих, буржуазию и пролетариат.

Принято считать, что идеи социального государства зародились в бисмарковской Германии 1880-х гг. При Бисмарке были введены принципы обязательного страхования рабочих на всей территории Германии. Главным основанием для страховки становился несчастный случай на производстве, куда включались и некоторые заболевания. Страхова-

ние касалось только тех, кто работал на производстве, не распространяясь на неработающих и просто бедных. Был сделан переход от закона о промышленной травме к упрощенной схеме страхования, обязательной для исполнения работодателями. Эти шаги осуществлялись ради ускоренной индустриализации, способной превратить Германию в экономически мощное государство. Заложенные основы социального государства должны были обеспечить быстрое развитие индустриального капитализма. По мнению британского исследователя П. Хэннока, *главной мотивацией Бисмарка было достижение большей мощи Германии, а не попытка защитить страну от социалистических идей с помощью социального государства*. Хэннок находит более существенные предпосылки развития социального государства в Германии не в эпоху Бисмарка в 1880-е, как это обычно делают исследователи, а в законодательстве 1840–1850-х гг. В этот период было законодательно введено обязательное страхование промышленных рабочих на случай их заболеваний, производственных травм или смерти. Но вопрос о его применении решался местными властями. Оплату страховки совместно осуществляли рабочие и их работодатели. В дальнейшем при Бисмарке размер страховки дифференцировался в зависимости от доходов рабочего. Такие же изменения претерпело страхование в случае болезни, инвалидности среди пожилых, введенное в 1889 г. Медицинское обеспечение, исходно (1880-е гг.) относившееся только к краткосрочным заболеваниям рабочих, позже распространилось на долгосрочное лечение, реабилитацию после лечения, а также было введено медицинское обслуживание для членов семьи рабочего. В целом система социального страхования оказалась настолько успешной, что через пятнадцать лет после ее введения, она стала рассматриваться как хороший бонус, особенно теми, кто пока еще не работал на производстве. Государственное субсидирование пенсий было введено в 1889 г. Рабочих привлекало, полагает Хэннок, не само государственное финансирование, а то, что работодатели должны были вносить вклад в обеспечение рабочих в старости и в случае инвалидности [5]. Эта политика и практика укрепляли чувство коллективного «мы» для жителей национального государства и начинали соединять разорванные классы.

Интересную версию становления социального государства в США предлагает американский экономист М. Ротбард. Он отвергает распространенные представления о массовом движении рабочего класса – влиянии профсоюзного движения и социалистических партий на государство. По его мнению, эта роль преувеличена даже для европейских стран, не говоря уже о США, где не было ни одной социалистической партии, получившей массовую поддержку и имеющей значимое политическое влияние. Что касается профсоюзного движения, то до начала Нового курса Ф. Д. Рузвельта, за исключением недолгих периодов, в которые само федеральное правительство усиливало деятельность профсоюзов, а именно – до Первой мировой войны и строительства железных дорог в 1920-е–1930-е гг., число членов профсоюзов не превышало

5–6 % работающих. Поэтому, делает вывод Ротбард, профсоюзы скорее были результатом, чем причиной социального государства в США [6, р. 196–198]. Развитию социального государства, полагает Ротбард, способствовала комбинация двух сил – религиозной доктрины пиетизма и экономического интереса бизнеса. Пиетизм был новым протестантизмом, который видел моральные и экономические преимущества в усилении роли государства: «Использование сильного правительства для создания совершенной экономики виделось связанным с использованием государства в целях избавления от грехов и создания совершенного общества» [6, р. 202]. Пиетисты в XIX в. выступали за усиление вмешательства государства в экономику в интересах бизнеса и в целях защиты американской промышленности от конкурирующего импорта. Они также поддерживали идею общественных работ и роль государства в создании массовой покупательной способности. Второй движущей силой формирования социального государства выступили бизнесмены (часто они тоже были пиетистами), заинтересованные в партнерстве государства и промышленности, позволяющем им пользоваться привилегиями, предоставляемыми государством, например высокими протекционистскими тарифами, делающими возможной конкуренцию американского бизнеса с импортными товарами [6, р. 203].

С. Хантингтон показал, что нацистроительством в США занимались многие социальные институты и общественность. Важнейшую роль играло государство, которое не позволяло новопривывшим мигрантам селиться в местах компактного проживания их соотечественников, а также регулировало приток новых мигрантов в страну. Кроме этого, большое значение имели образование, средства массовой информации и другие институты. Хантингтон приводит пример участия бизнеса в формировании единой нации. Основатель корпорации «Форд Моторс» Г. Форд прилагал большие усилия по американизации иммигрантов и превращению их в рабочих, обладающих высокой производительностью труда, что соответствовало общенациональным целям. Им осуществлялось обучение иммигрантов американскому образу жизни, традициям и английскому языку, что считалось способным ослабить их прежние привязанности и лояльности. Форд организовал спектакль, «центральной декорацией которого стал гигантский плавильный тигель. Поток рабочих иммигрантов в чужеземных одеждах и с лозунгами, прославляющими их родину, вливался в этот тигель из-за сцены. Одновременно с другого конца тигля вытекал еще один людской поток – все в одинаковых костюмах и с маленькими американскими флажками в руках» [7, с. 211].

Когда Г. Форд повысил зарплату рабочим своего завода с 2,5 долл. в день до 5, уменьшил рабочий день с 12–14 до 8 час. и отменил третью смену, это не было реализацией нравственных или гуманитарных начал. Наоборот, он опирался на чисто экономические принципы максимизации полезности, т.е. на увеличение продаж собственных автомобилей, в том числе и для своих рабочих. Он не хотел делать автомобили элитарным продуктом, а считал более выгодным для себя их массовое

производство. Он считал, что человек, который у него работает, это – экономический человек. К его характеристикам, в частности, относятся рациональность и эгоистический интерес. Форд был уверен, что если дать такому экономическому человеку возможность заработать, он будет работать хорошо, стараясь получать за это хорошие деньги. Поэтому он сможет купить машину, выпускаемую на заводе Форда. На конвейер он ставил рядом мигрировавших в США финна, китайца, чеха и др., не знающих английского языка, чтобы они не разговаривали между собой, не тратили время, потому что делу время, и работать надо хорошо. Почему Форд сократил рабочий день до 8 час., уменьшил число смен до двух и ввел субботу как второй выходной? Он считал, что если этого не сделать, рабочему машина будет не нужна, ибо у него не будет времени ее использовать. Таким образом, вклад Форда в формирование массового потребления не был намеренным. Он был реализацией его идеи экономического человека, стремления к своему собственному экономическому благосостоянию, но это входило в состав его социальной политики, направленной на увеличение производительности труда, что достигается удовлетворением не только его интересов, но и интересов рабочего. А побочным результатом его личного стремления к обогащению стало формирование среднего класса, уменьшающего противоречия богатых и бедных групп населения. То есть это касалось как отдельных представителей рабочего класса и предпринимателей, так и формирования социальной среды капиталистического производства в целом.

Государственный капитализм в России после реформы 1861 г. и его социальные проекты

В дореволюционной России возникали свои формы капитализма, усиливающие значимость социального государства, экономического подъема и меняющейся идентичности. Если коллективное «мы» России как государства к началу XX в. казалось отличавшимся определенной прочностью, проявленной в мирной жизни и в войнах, то коллективное «мы» – общая идентичность – с началом капитализма внутри России, разделенной на классы, не формировалось. Разрушались сословная иерархия, политика сохранения общинной идентичности и представления о справедливом перераспределении доходов среди членов общины, появлялись разночинцы. Одновременно сохранялись патриархальные отношения у рабочих, которые часть времени работали на земле.

Исследователь социального государства С. С. Олейникова выделяет несколько этапов становления социальной функции российского государства. Первый этап второй половины XVII – первой половины XVIII в. характеризуется ею как начальный, во время которого появились эпизодические и непоследовательные распоряжения правительства о решении отдельных социальных проблем ряда категорий населения, например, о социальной поддержке самых малоимущих и незащищенных категорий населения, включающей политику сокращения нищенства. На данном этапе развития России «забота о социальном благополучии

населения еще не воспринималась государством как неотъемлемая часть внутренней политики» [8, с. 21]. На втором этапе (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.) «социальная деятельность приобретает характер устойчивого направления внутренней государственной политики» [8, с. 22], так как происходит преобразование эпизодической социальной поддержки некоторых наиболее неимущих и слабозащищенных категорий населения в единую общегосударственную систему социальной помощи. Для этого создаются специальные государственные органы, регулирующие социальную деятельность, сеть государственных образовательных, лечебных и социальных учреждений. С. С. Олейникова показывает, что крепостная зависимость, отсутствие у большинства населения социально-экономических прав в значительной степени ограничивали возможности реализации социальной функции государства. За пределами государственной поддержки оставалось социальное обеспечение крепостных, которое было личным делом помещиков и не регулировалось государством.

Третий этап, по мнению С. С. Олейниковой, относится к периоду буржуазной монархии (1860-е гг. – начало XX в.). В условиях ликвидации крепостного права государство распространило социальную политику на юридически свободное население. Кроме государства исполнением социальных функций стали заниматься сформированные в ходе реформ городские и сельские органы местного самоуправления, обеспечивающие продовольственную безопасность, развитие государственных систем здравоохранения и образования для широких слоев населения, «призрение» нуждающихся членов общества. Однако эффективность социальной политики органов местного самоуправления не была высокой из-за множества бюрократических процедур, а также ввиду отсутствия эффективного взаимодействия с государственными инстанциями. Важное значение в пореформенный период приобрело государственное регулирование отношений между нанимателем и работником. Несмотря на то, что российское фабричное законодательство зародилось в XVIII в., его задачей была защита интересов собственников производства (обеспечение производства рабочей силой), а не наемных работников. Работник не мог требовать увеличения оплаты труда и покинуть производство до истечения срока договора. Кроме этого, многие нормы, касающиеся ограничения женского и детского ночного труда, не были обязательны для работодателя. Таким образом, социальная деятельность государства не распространялась на сферу трудовых отношений. Только с началом буржуазных реформ 1860-х гг. государство начинает заниматься социальной защитой наемных рабочих (контролем за наймом работников и оплатой труда, поддержкой работников и их семей в случае потери трудоспособности) [8, с. 19–23].

Успешное вступление в капитализм после отмены крепостного права и многих других феодальных установлений обеспечило стране ускоренную модернизацию и экономический рост. Одним из главных препятствий для развития капитализма в России и преодоления ее экономи-

ческой отсталости в XIX в. было крепостное право. После его отмены начались индустриализация, расширение торговли и транспортных сетей, банковской деятельности, появились зачатки распространения рыночной системы. Индустриализация в России осуществилась позже, чем в западных странах. Но скорость, с которой она осуществлялась с 1860-х гг., превосходила многие западные страны. Спецификой российской индустриализации стала роль государства в этом процессе. Государство занималось развитием капитализма особенно в 1880–1890-е гг. Значительное внимание уделялось тяжелой индустрии (строительство железных дорог, включая сами дороги, вагоны, локомотивы, оборудование). С середины 1880-х гг. государственное вмешательство в развитие тяжелой индустрии усилилось. Государству принадлежала также военная промышленность. Как отметил американский исследователь Н. Спулбер, «...не только развитие ключевых транспортных связей зависело от правительственной поддержки: *вся индустрия*, включая частные предприятия индустрии, целиком зависели от комбинации государственных инвестиций, государственных субсидий и законов... низких налогов и покупки крупных партий готовой продукции государством» [9, р. 58]. После отмены крепостного права и до начала XX в., показывает Спулбер на основе анализа работ российских и западных исследователей, в промышленном развитии России преобладали патриархальные отношения: значительная часть рабочей силы сохранила традиционные связи с деревенской жизнью, что вошло в состав их идентичности, несколько отличающейся от той, на которую шел запрос от капитализма, модернизации и индустриализации. Это было обусловлено тем, что в отличие от рабочих западноевропейских стран, которые жили только на зарплату, многие российские рабочие периодически возвращались в деревни и возделывали землю. Поэтому они еще находились в рамках патриархальной традиции. Это происходило также потому, что не существовало законодательства, касающегося приема на работу и трудового процесса в целом. При министре финансов М. Х. Рейтерне рыночное хозяйство виделось основой экономического роста. При нем, однако, не обсуждались новые реалии, вызываемые индустриализацией. Первым обратил на них внимание министр финансов Н. Х. Бунге: он стремился к модернизации законодательства в условиях индустриализации, предлагая заменить существующую систему административных установлений системой законов. В частности, его волновал вопрос о влиянии индустриализации и законодательного развития ее основ на социальное обеспечение населения, т.е. те проблемы, которые позже стали повесткой дня социального государства. Им было отменено большинство налогов на крестьянство, что, по его мнению, должно было способствовать усилению крестьянской экономики и возможности крестьян покупать товары индустриального производства (это похоже на политику Г. Форда, дающего возможность своим рабочим покупать автомобили, о чем речь шла выше). Он полагал, что увеличение производительности труда рабочего приводит к увеличению оплаты его труда и соответственно повышению

его материального положения и уровня потребления. Поэтому, считал Бунге: «...интересы работника и капиталиста находятся в совершенном согласии между собою, потому что и тот и другой извлекают выгоды от каждой меры, клонящей к увеличению капитала и производительности труда, тогда как все, что ведет к противоположному результату, не выгодно для обоих» [10, с. 306]. Тем самым он пытался уменьшить конфликтность интересов рабочих и нанимателей. При нем была разработана законодательная база для найма рабочих на заводы, система законов о детском и женском труде, а отношения между работником и нанимателем были поставлены под контроль правительства [11; 9, с. 59]. Это делало его первым пореформенным государственным деятелем, пытавшимся заложить основы социального государства в России.

Следующий министр финансов И. А. Вышнеградский следовал протекционистскому подходу, утверждал, что государство должно играть ведущую роль в развитии страны. Он считал необходимым для России быть не зависимой от капиталистической Европы и не придавал значения социальному обеспечению рабочих и крестьян. Ему приписывается фраза: «Недоедим, но вывезем», относящаяся к экспорту зерна. Он ограничил действие Крестьянского банка и прекратил дальнейшее развитие промышленного законодательства. Являлся представителем бизнес-кругов, выступал за быстрое увеличение экспорта, заставлял крестьян отдавать свой урожай для этой цели, несмотря на голод 1891–1892 гг., ввел самые высокие тарифы в мире, которые привели к резкому увеличению цен на промышленные товары [9, с. 60]. Этот «голодный хлеб», увозимый на Запад, мало помог российской модернизации и индустриализации.

Пришедший на смену Вышнеградскому С. Ю. Витте придерживался консервативных взглядов, считая, что государственная политика должна быть направлена на развитие производительных сил в стране, так как она увеличит таким путем и благосостояние населения, и его покупательную способность, повысив тем самым доходы государства. Основное внимание он уделял модернизации и расширению транспорта в стране, особенно железнодорожного, ускорению индустриального развития, распространению современной капиталистической деятельности и развитию предпринимательства. Он изменил функции производственных инспекторов. При Бунге они интересовались благосостоянием рабочих, а при Витте они стали агентами индустриального развития, потеряв социальные функции. Социальные действия Витте – введение закона, ограничивающего часы работы, а также закона, облегчающего выпуск внутренних паспортов, способствующих мобильности населения. Общеизвестно, что Витте получил прочную репутацию реформатора и модернизатора не только в российском восприятии, но и во мнении иностранных специалистов. Т. фон Лауэ писал, что «ни один царский министр финансов не сделал больше для ускорения индустриализации» [12]. В 1890-е гг. при Витте происходит мощная индустриализация: строительство железнодорожных путей, которое требовало промышленной продукции. Кроме этого, государство инвестировало в железнодорожную,

сталелитейную и машиностроительную индустрии. В американской историографии еще с 1960-х гг. идет знаменательный спор двух направлений в изучении того, что часто называется «индустриализацией Витте». Столкнулись точки зрения двух эмигрантов. Немец по происхождению, профессор Колумбийского университета Теодор фон Лауэ в своем фундаментальном исследовании 1963 г. «Сергей Витте и индустриализация России» попытался доказать, что преобразования Витте, причем как экономические, так и политические, не имели никакой перспективы, поскольку их попросту не могла поддержать необразованная крестьянская Россия. Весь проект Витте якобы держался исключительно на международных кредитах, а следовательно, он вел к зависимости страны, которую она не могла себе позволить. Никакой альтернативы большевизму, осуществившему тоталитарными методами промышленную революцию, индустриализация по Витте не представляла [13]. Известный американский экономист и историк российского происхождения А. Гершенкрон, эмигрировавший из России в 1920 г., оценивая этот период российского капитализма, отметил, что средний темп российской индустриализации в 1890-е гг. был около 8 %, и это при том, что ни одно ведущее государство Западной Европы в этот период не показывало таких результатов. В итоге интенсификация индустриализации, по его мнению, привела к снижению стандартов жизни большинства населения и создала напряжение между традиционным и современными секторами экономики [14, р. 124–129; 9, р. 60–61]. Витте построил Транссибирскую магистраль, введя золотой стандарт, начал развивать отечественную индустрию, фактически же инициировал крестьянскую реформу, осуществленную затем в 1906 г. Столыпиным, и отменил выкупные платежи для крестьян. Наконец, с его именем связана первая русская конституция – Основные государственные законы 1906 г. и более ранний Манифест 17 октября, открывший в нашей стране эру представительного правления.

Как уже отмечалось, в стремлении преодолеть отставание России от Запада Витте был ориентирован на госкапитализм. Государственное регулирование экономики не противостояло либеральной доктрине. Просто он считал, что политика России 1860-х гг. показала незрелость России для нового либерального эксперимента. Он разделял идеи немецкого экономиста Д. Ф. Листа, который в 1840-е гг. в Германии обеспечил таможенный протекционизм и препятствовал вступлению Германии в свободную мировую торговлю, считая, что страны проходят ряд этапов промышленного развития и на ранних этапах им нужны защищающие их экономику пошлины. Витте, опираясь на Листа, показывал, что даже Англия не вступила в свободную торговлю до того, как достигла экономического могущества. Витте использовал государство как мотор экономики, признавая при этом роль предпринимателей и защищая их деятельность системой протекционистских мер, которые включали государственные заказы, кредиты, умеренное укрепление рубля, привлечение иностранного капитала, развитие банковской сферы, а также отсутствие ограничений для монополий.

С. Ю. Витте показывает, что в странах Западной Европы, давно вступивших на путь индустриального капиталистического развития, изначально государством не принимались усилия по решению социальных вопросов – того, что он называет «темной стороной рабочего вопроса». Государства законодательно признавали за рабочими право создавать союзы самопомощи, которые, как только отпадет необходимость быть тайными, перестанут быть источником действий против государства. Эти союзы решали вопросы помощи при безработице, выступали посредниками при решении конфликтов между рабочими и работодателями, предоставляли займы и пр.

Витте, однако, утверждал, что защитить одновременно интересы как рабочих, так и предпринимателей возможно только при условии государственного вмешательства. Он писал, что «только государственная власть, путем соответствующих законодательных мероприятий и при посредстве своих органов, могла стать на защиту общественных интересов, представляя, с одной стороны, равную законодательную охрану прав труду и капиталу, а с другой – создавая для представителей труда обстановку, в которой они получают возможность закономерно отстаивать свои интересы» [15, с. 165]. Он показывает, что в Англии, вырвавшейся вперед в промышленном развитии среди других европейских народов, «встречаются и первые попытки государственного вмешательства в договорные отношения труда и капитала» [15, с. 165]. Это касалось регламентации детского и женского труда, ограничения продолжительности рабочего дня, введения свободного от работы дня – воскресенья, требований фабричной гигиены и безопасности, введения правительственного надзора за фабриками. Витте отмечает, что другие западные страны проводят сходную политику, например, в Германии введены государственное страхование рабочих от несчастных случаев, болезней, старости и неработоспособности, а также третейские суды для разбора споров между предпринимателями и рабочими и для охраны рабочих от нарушения их прав. Кроме этого, «устройством доступных населению сберегательных касс государство воспитывает чувство бережливости, а широким распространением народного образования, общего и технического, и более совершенной его постановкой создает рабочему возможность достижения высших и наилучше оплачиваемых форм труда. В конечном итоге, благодаря такому направлению деятельности государства, все наиболее способное, знающее, старательное, бережливое находит выход своим силам» [15, с. 165].

По существу государственный капитализм рассматривается им как форма государственной социальной политики, при которой государство работает не только на класс капиталистов, но и на класс трудящихся, защищает и тех, и других: «В этом охраняемом государством равновесии общественных и личных интересов... намечается лучший путь к разрешению рабочего вопроса, а вместе с тем, и лучшее предохранение рабочих от влияния противогосударственной (марксистской. – *Н. Ф.*) агитации» [15, с. 166]. Касаясь социальных вопросов на данной стадии российско-

го капитализма, Витте фактически продемонстрировал, что социальные вопросы возникают на определенной стадии развития капитализма. И это подтверждает нашу мысль, что социальное государство есть продукт эволюции национального государства.

Важную позицию по вопросу о национальном государстве и его связи с экономикой занял В. И. Ленин, когда он писал о развитии капитализма в России и о достижении им в стране стадии империализма [16; 17]. По мнению Ленина, «...национальное государство есть правило и “норма” капитализма, пестрое в национальном отношении государство – отсталость или исключение. С точки зрения национальных отношений, наилучшие условия для развития капитализма представляет, несомненно, национальное государство. Это не значит, разумеется, чтобы такое государство, на почве буржуазных отношений, могло исключить эксплуатацию и угнетение наций. Это значит лишь, что марксисты не могут упускать из виду могучих экономических факторов, порождающих стремления к созданию национальных государств. Это значит, что “самоопределение наций” в программе марксистов не может иметь, с историко-экономической точки зрения, иного значения кроме как политическое самоопределение, государственная самостоятельность, образование национального государства» [18, с. 25]. Самоочевидная значимость связи национального государства и капиталистической экономики в России начала XX в. признавалась на полюсах политического спектра – от либералов до марксистов, но разделительная линия проходила по вопросу о способности найти меру, при которой ускоренное развитие не приведет к обнищанию граждан России. И здесь между либералами и нелибералами шел спор, который осуществляется и сейчас. Это – спор о сущности социального государства.

Дальнейшее развитие связи социального государства и идентичности

Оценивая дореволюционную деятельность российского государства по формированию социальной политики, С. С. Олейникова подчеркивает, что «единого комплекса законодательства, который обеспечил бы распространение государственной социальной деятельности на все слои населения, не сложилось» [8, с. 26]. Делается вывод, что «социальная сфера осталась практически вне конституционного регулирования. Социальная функция государства так и не стала в один ряд с его основными функциями» [8, с. 26]. Опираясь на это исследование, можно сделать вывод, что последующее участие в русско-японской и Первой мировой войнах, а также буржуазные и социалистическая революция способствовали развалу России как государства по причине того, что российское общество не завершило переход от имперской фазы к национальному государству, а не сделав этого, не построило социального государства, что закончилось революцией.

Октябрьская революция переворочила все слои населения, но Советский Союз наследовал дореволюционную Россию в ее культурной

специфике, в индустриализации и экономическом росте, в наличии государственной идентичности и в попытке формирования общегражданской идентичности, обеспечившей чувство коллективного «мы», успехи в науке и образовании, победу в войне.

В постсоветской России происходило сначала радикальное отречение от советского и дореволюционного опыта, воспринимаемого со знаком минус как имперского. Но сегодня инновации сочетаются с поисками традиций как в дореволюционном, так и в советском прошлом, чтобы отобразить идентичность – коллективное «мы» – как некоторый континуум, имеющий процессуальный характер [19; 20]. В предложенном мною концепте «процессуальная идентичность» последняя рассматривается как находящаяся между двумя устойчивыми полюсами континуума, в пределах которого идентичность меняется.

Материальные преимущества от экономического роста и международной стабильности перераспределялись населению посредством прогрессивного налога, поддержки бедных, здравоохранения, образования, пенсионного обеспечения, что привело многие западные страны в XX в. к национальным социал-демократиям. На Западе эти тенденции набрали силу особенно после Первой мировой войны и были обусловлены в отличие от эпохи Бисмарка стремлением к классовому миру, страхом перед революциями, вызванным Октябрьской революцией. К середине XX в. в СССР, Европе и США сложились достаточно сильные социальные государства на базе национальных государств. Начиная с 1970-х гг. государства стали уходить из экономики. На Западе администрирование социального государства требовало все больше и больше денег и протекционистские политики потерпели существенное поражение, а также выросло значение международного рынка в связи с глобализацией.

Связь идентичности и социального государства сегодня хорошо прослеживается на примере Британии. В статье М. Джонсона «Закат империи. Как распадается британская идентичность», опубликованной в солидном и влиятельном журнале «Foreign Affairs» показано, что «максимальной широты... британская идентичность достигла после Второй мировой войны. В тот период к победе во второй подряд войне с Германией прибавились достижения НСЗ (национальной системы здравоохранения. – Н. Ф.), а также успешная национализация промышленности и создание социального государства. Беспрецедентное благополучие, распространившееся на множество разных социальных слоев, заставило людей поверить в британскую идентичность, основой которой служила забота государства о каждом гражданине» [21]. Автор считает, что неолиберальные реформы, начатые в ответ на предшествующую социальную политику, создали в Британии условия для кризиса идентичности и люди стали чаще сомневаться в том, что они должны хранить верность британскому государству, которое постоянно уменьшает количество полезных услуг. «В ходе поиска идентичности Соединенное Королевство отказалось от предыдущих источников благополучия. Трудовые конфликты и проблемы с промышленностью, характерные для 1970-х годов,

заложили основы для тэтчеристского разгосударствления. Его идея заключалась в том, что государство должно быть “ночным сторожем” – защищать жизнь, свободу и собственность, но не вмешиваться в экономику, не перераспределять богатства и не предоставлять никому широкую поддержку, которую подразумевают традиционные модели социального государства. Неолиберальные реформы делали упор на индивидуализм. Промышленность и ресурсы были приватизированы, социальное государство демонтировано, НСЗ урезана. Непредусмотренным результатом этого политического курса стало исчезновение общественных институтов, на которые опиралась британская идентичность послевоенного времени. Исчезли концепции, в которые люди верили и которые в свое время многое дали поколению бэби-бума, поддерживавшему позднее неолиберальные реформы. Крах британского коллективизма и появление “ночного сторожа” создали национальную идентичность, активизирующуюся исключительно в трудные периоды, – коллективизм, который проявляется только перед лицом внешних угроз» [21]. Джонсон делает вывод, что Великобритания как Соединенное Королевство исторически представляло собой лишь ряд относительно удачных проектов по созданию идентичности, осуществляемой разными государственными аппаратами. «А так как государственный аппарат сократился сильнее, чем раньше, локальные идентичности снова подняли головы. Части страны, которые некогда удерживались вместе благодаря таким общим достижениям, как Национальная система здравоохранения (НСЗ), национализированная промышленность и социальное государство, постепенно расходятся... Британская и... английская идентичность оказались под вопросом» [21]. Получается, что ослабление социального государства подвергло опасности целостность национального государства, примером чего выступает попытка Шотландии выйти из состава Британии. Наряду с этой имеются, разумеется, и другие причины, которых мы здесь не касаемся.

Многие задачи исторического развития России не решены до сих пор, являются предметом дискуссии и требуют пристального внимания.

Литература

1. *Tiryakian E. A. Assessing Multiculturalism Theoretically : E Pluribus Unum, Sic et Non / E. A. Tiryakian // International Journal on Multicultural Societies. – 2003. – Vol. 5. – No. 1. – P. 20–39.*
2. *Waters M. Globalization / M. Waters. – London : Routledge, 1995. – 219 p.*
3. *Bauman Z. Identity. Conversation with Benedetto Vecchi. – Cambridge, Malden : Polity Press, 2004. – 104 p.*
4. *Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества / З. Бауман. – М. : Весь Мир, 2004. – 188 с.*
5. *Hennock P. The Origin of the Welfare State in England and Germany, 1850–1914 : Social Policies Compared / P. Hennock. – Cambridge : Cambridge University press, 2007. – 400 p.*
6. *Rothbard M. N. Origins of the Welfare State in America / M. N. Rothbard // Journal of Libertarian Studies. – 1996. – No 12 (2). – P. 193–232.*

7. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности / С. Хантингтон. – М., 2004. – 635 с.

8. Олейникова С. С. Теоретические и организационно-правовые основы становления социальной функции Российского государства в XVII – начале XX вв. : историко-правовой аспект / С. С. Олейникова : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2012. – 30 с.

9. Spulber N. Russia's Economic Transitions : From Late Tsarism to the New Millennium / N. Spulber. – West Nyack : Cambridge University Press, 2003. – 448 p.

10. Бунге Н. Х. Очерки политико-экономической литературы / Н. Х. Бунге. – СПб. : Тип. В. Киршбаума, 1895. – 465 с.

11. Бунге Н. Х. Основания политической экономии / Н. Х. Бунге. – Киев : Унив. тип., 1870. – 136 с.

12. Laue Th. von. The World Revolution of Westernization. The Twentieth Century in Global Perspective / Th. von. Laue. – N.Y., Oxford : Oxford University Press, 1987. – 418 p.

13. Laue Th. von. Sergei Witte and the Industrialization of Russia / Th. von. Laue. – N.Y. : Columbia University Press, 1963. – 360 p.

14. Gerschenkron A. Russian Patterns of Economic Development / A. Gerschenkron // Economic Backwardness in Historical Perspective. – Cambridge : MA : Belknap Press of Harvard University Press. – 1962. – P. 124–129.

15. Витте С. Ю. Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве, читанных Его Императорскому Высочеству Великому Князю Михаилу Александровичу в 1900–1902 гг. / С. Ю. Витте. – СПб., 1912. – 568 с.

16. Ленин В. И. Развитие капитализма в России / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. – 5-е изд. 1971. – Т. 3. – С. 1–609.

17. Ленин В. И. Империализм как высшая стадия капитализма / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. – 5-е изд. – 1969. – Т. 27. – С. 299–426.

18. Ленин В. И. О праве наций на самоопределение / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. – 5-е изд. – 1967. – Т. 25. – С. 255–320.

19. Федотова Н. Н. На пути к процессуальной теории идентичности / Н. Н. Федотова // Философские науки. – 2014. – № 11. – С. 70–81.

20. Федотова Н. Н. Изучение идентичности и контексты ее формирования / Н. Н. Федотова. – М. : Культурная революция, 2012. – 200 с.

21. Johnson M. Empire at Sunset. British Identity Crumbles / M. Johnson // Foreign Affairs, 2015. March-April. – Режим доступа: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-kingdom/2015-04-24/empire-sunset>

Московский государственный институт международных отношений Министерства иностранных дел России

*Федотова Н. Н., доктор социологических наук, доцент кафедры социологии
E-mail: nnfedotova@rambler.ru
Tel.: 8 (495) 434-94-26*

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University)

*Fedotova N. N., Doctor of Sociology, Associate Professor of the Sociology Department
E-mail: nnfedotova@rambler.ru
Tel.: 8 (495) 434-94-26*